ЛЕОНОВ

ОХОТНИКИ

1930

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

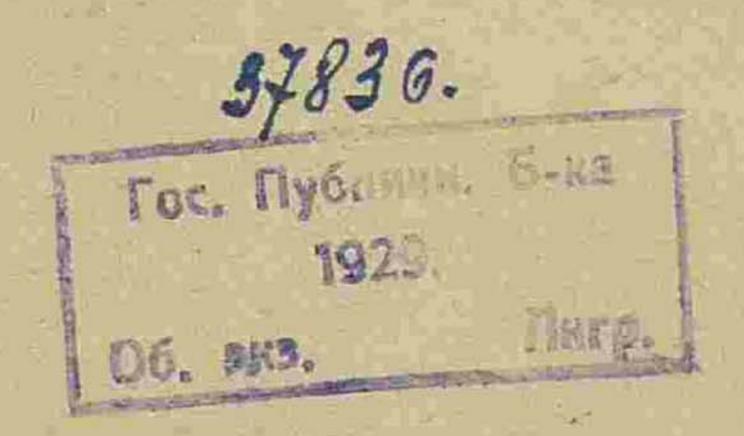
ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ
№ 40

Н. ЛЕОНОВ

ОХОТНИКИ

КАК ЖИВУТ И ЧЕМ ПРОМЫШЛЯЮТ
ТУНГУСЫ И ЧУКЧИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ
МОСКВА — 1930

Отпечатано в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ"
Мосполиграфа.
Москва, Арбат, Филипповск., 13.
Главлит № А—51.805.
Тираж 5.000.
З. Т. 176.

ЗА ПУШНЫМ ЗВЕРЕМ.

(Как живут тунгусы.)

I.

Трое людей, одетых в меха, пробираются густым лесом на лыжах. Низко свешиваются зеленые мохнатые лапы елей да пихт. С большим трудом приходится пробираться сквозь заросли тонкоствольного осинника. Трудно сквозь него пробираться, да зато по осиннику легко распознать направление — с полуденной стороны стволы выглядят чистыми, а с противоположной — поросли мохом.

Идут трое людей, идут — молчат. Никто слова не проронит. Молчит и тайга, засыпанная сугробами снега.

У людей этих не-русские лица, желто-бурого цвета, черные узкие глаза широко расставлены над выдающимися скулами. Двое взрослых — невысокого роста, широкоплечие,

на коротких ногах. Третий—мальчик лет десяти. Одеты охотники-тунгусы в оленьи шкуры. Только шапки сделаны из лисьих лапок. А у мальчика — шапка беличья. Под меховой одеждой нет никакого белья. Одежда из шкур надета прямо на голое коричневое тело. Когда выглядывает солнце и пушистые сугробы снега начинают ослепительно сверкать, все трое надевают искусно сплетенные из черного конского волоса предохранительные очки.

Так ходят они по тайге уже несколько дней, и за поясом у каждого подвешено по нескольку беличьих шкурок. А у самого рослого болтается за поясом красная лиса с пушистым хвостом. Охотники провели несколько дней в глухой тайге, расставляя ловушки и самострелы на пушных зверей. Через неделю-другую они вернутся, чтобы посмотреть, кто попал в поставленные капканы. Урончину этого мало. Он решил испробовать еще одно средство. Остановились на поляне, сделали привал. Балай, десятилетний охотник, быстро нарубил больших еловых веток, разбросал их на снегу, в то время как Аланмур, молодой парень, ста-

рался раздуть огонек. Затрещали сучья, котелок наполнили снегом и подвесили над костром. Урончин же тем временем достал из сумок сырое мясо какого-то зверя, разрезал его на куски и стал посыпать их ядовитым порошком — стрихнином. Когда приготовления были окончены, Урончин и Аланмур отправились в глубь тайги, чтобы разбросать там отравленное мясо.

Балай подбрасывал сучья в костер и часто подкладывал снег в чайник, покуда тот не наполнился теплой водой до краев. Обеих собак своих Урончин зачем-то привязал к дереву и они, свернувшись клубочками, прищурившись, посматривали на огонь костра. Балай поджидал старших. Собрались все к костру, напились чаю, накормили собак остатками мяса. Все было приготовлено, чтобы отправиться дальше. Но Урончин медлил, вынул нож и подошел к большой белоствольной березе. С помощью ловкого надреза он снял квадратный кусок бересты и возвратился к догорающему огоньку.

Той же дорогой, где прошли Урончин, Аланмур и Балай, могли пройти и другие охотники с собаками. Надо было предупре-

дить их, что поблизости разбросано отравленное мясо — приманка для лисиц. Собаки также могли наброситься на разбросанные куски мяса. Собак надо было в таких местах держать на привязи. Но как предупредить охотника? Балай смотрел через плечо Урончина и видел, как тот ловкими поворотами ножа вырезает из бересты какую-то фигуру. Вот голова с настороженными острыми ушами, спина, хвост, четыре лапы.

— Собака! — воскликнул Балай.

— Верно, верно! — покачал головой Урончин. — Похоже?

Потом он вырезал из бересты длинный ремешок, проткнул ножом берестяную собаку, вдел в отверстие ремешок и ловко связал концы. Когда все было приготовлено, Урончин отмотрелся и, выбрав голый приметный сучок, повесил на него собачью фигурку.

— Теперь каждый охотник привяжет собаку, проходя этим местом, — сказал Аланмур.

С этими словами он срубил длинный шест, сделал на нем три зарубки, две больших и одну поменьше, и воткнул его в снег, сильно наклонив в ту сторону, куда они намерева-

лись итти. Балай понял по сильному наклону шеста, что путь еще предстоит далекий.

Так оставили они следы своего пребывания в тайге, огромной, молчаливой, засыпанной снегами.

II.

Радостно в тайге напасть на следы человека. Редко это случается. На многие тысячи верст раскинулись огромные леса. Сквозь леса эти летом светлыми дорогами бегут многоводные, студеные реки, а зимой они спят подо льдом и снегами.

По берегам больших и малых рек и речушек изредка можно встретить тунгусскую остроконечную урасу. Всех-то тунгусов наберется не больше восьмидесяти тысяч человек, а расселились они на огромном пространстве от Енисея до Тихого океана, тысячи на четыре километров. Безлюдные там места. Оттого человека встретить в тайге или хоть узнать по приметам, что здесь вот незадолго до тебя проходил охотник, приятно. А наши охотники уже давно никого не видали — как ушли от родного стойбища.

Заскучал Балай. И Урончин, чтобы позабавить его, на ночлегах у костра рассказы-

вал либо о разных случаях на охоте, либо сказки. Больше всего Балай любил слушать про своего деда Хутунка. Смелый, говорят, он был. Бывало, как отыщут медвежью берлогу, так Хутунок обвяжется веревкой у

Тунгус охотник.

пояса, даст конец веревки той товарищу и лезет прямо к мохнатому хозяину непрошенным гостем в берлогу. Медведь со сна-то сразу и не разберет, в чем дело, а Хутунок колет медведя ножом прямо в сердце. Те-

перь на медведя ходят побезопаснее. Как выследят берлогу, то начнут стрелять в отдушину, а потом еще копьем тычут — пробуют, убили ли мохнатого, для безопасности.

Любил Балай слушать и сказки, а Урончин любил их рассказывать. А сказки те были все больше про зверей. Тунгусы живут среди зверей да птиц. Оттого и в сказках да побасенках любят про них рассказывать.

Расположились на ночлег охотники, чайник вскипятили, поели поджаренной медвежатины — с собой запасена была. Посмотрел Урончин на Балая да на собак, да на темные ели и начал сказку рассказывать о том, как налим лису обманул.

«Вздумала лиса с налимом вперегонки бегать. Поспорили, кто первый до устья речки добежит. Налим и говорит лисе:

— Подожди немного. Я пойду в воду, сапоги надену, чтоб удобней бежать было. А ты берегом иди и окликай меня у трех мысов. Я тебе буду откликаться.

Нырнул налим в воду. Велел детям своим у мысов под камнями в воде стоять, а сам поплыл к устью.

Бежит лиса берегом.

У первого мыса окликает:
— Налим, налим, где ты?
А первый налимий сын отвечает лисе:
— Здесь, лисанька, беги дальше!
Бежит лиса, не торопится.
У второго мыса лиса окликает:
— Налим, налим, где ты?
Второй налимий сын отзывается.
— Здесь, лисанька, беги дальше!
И у третьего мыса лиса окликает:
— Налим, ты здесь?
— Здесь, здесь, лисанька!—отозвался третий налимий сын.

Отсюда лиса пустилась бежать. Думала: вот первая добегу. А добежала лиса, видит — налим у берега стоит и хвостом бьет. Победил налим. От злости лиса даже красной сделалась».

И под сказку старика сладко заснул Балай.

III.

А на утро снова заскользили на лыжах сквозь тайгу, сквозь частые осинники, на полуночную сторону. Снег слепил глаза. Надели охотники волосяные очки и вдруг зор-

ким глазом заприметили шест, воткнутый в сугроб. Шест был слегка наклонен. С радостью подбежали охотники наши к шесту и увидели, что на его конце привязан кусок бересты, а на нем искусно нацарапан соболь. Как увидел Урончин этот знак, сразу сказал:

— Близко, близко старый Нодо за соболем гонится.

Повернули они в направлении, указанном наклоном шеста, и скоро приметили затёску на дереве. Поняли, что повернуть надо влево. А к вечеру того же дня увидели дымок Собаки залаяли. Урончин, Аланмур и Балай встретились со старым Нодо.

И всегда-то был Нодо веселым стариком, а сегодня и вовсе он благодушен и весел. Удалось ему выследить дорогого зверька. Хорошая соболиная шкурка большую цену имеет.

Сидят охотники кружком вокруг костра, и старый Нодо рассказывает, как его умная собака выследила соболя, сделала стойку, как он увидел на снегу пушистого соболя, как почуял себе соболь верную гибель. Бросился соболь на дерево, а собака вокруг дерева скачет да повизгивает. По верхним

сучьям вздумал спастись дорогой зверек. Тут-то и началась гоньба. Не отстает собака от соболя, не упускает добычи, а за ней следом скользит и Нодо на лыжах. Хоть и стар он, да глаз у него зоркий. Так-то вот четыре дня и водил да кружил старого Нодо пушистый зверек по тайге.

Боялся старый Нодо, что закружит его соболь, и по солнцу старался примечать направление да по осиннику.

Время от времени расставлял он шесты со значками, на случай, чтобы и другие охотники могли его отыскать. На такой-то знак и набрели Урончин, Аланмур и Балай.

— Ну, показывай свою добычу!—сказал Урончин.

Нодо вытащил пушистую темную шкурку.

— Э, да ты, старина, ловко стрелял, не испортил шкурки.

— Тупой стрелой, томарой, из лука бью соболей,— ответил с гордостью Нодо.

— Повезло тебе, Нодо!— радостно воскликнул Урончин:— большую цену тебе дадут.

— Не продешеви, смотри!— сказал Аланмур.—Скупщики—хитрый народ. Того и гляди, обманут!

Нодо добродушно засмеялся и сказал Аланмуру:

— Зачем не верить людям? Богатый буду. Чай будет, табак будет, порох будет, хлеб будет. Балаю баранок куплю.

Все охотники искренне радовались крупной удаче старого Нодо.

На утро все вместе решили возвращаться к стойбищу, отдохнуть в родных урасах[1]), с тем, чтобы потом снова отправиться в тайгу — вынимать из ловушек добычу.

IV.

На берегу таежной речки стояли три остроконечные урасы. Над каждой из них курился дымок. Поодаль паслось десятка полтора оленей. Прежде когда-то много было оленей у тунгусов, да многих отдали купцам за товары, за порох, за водку.

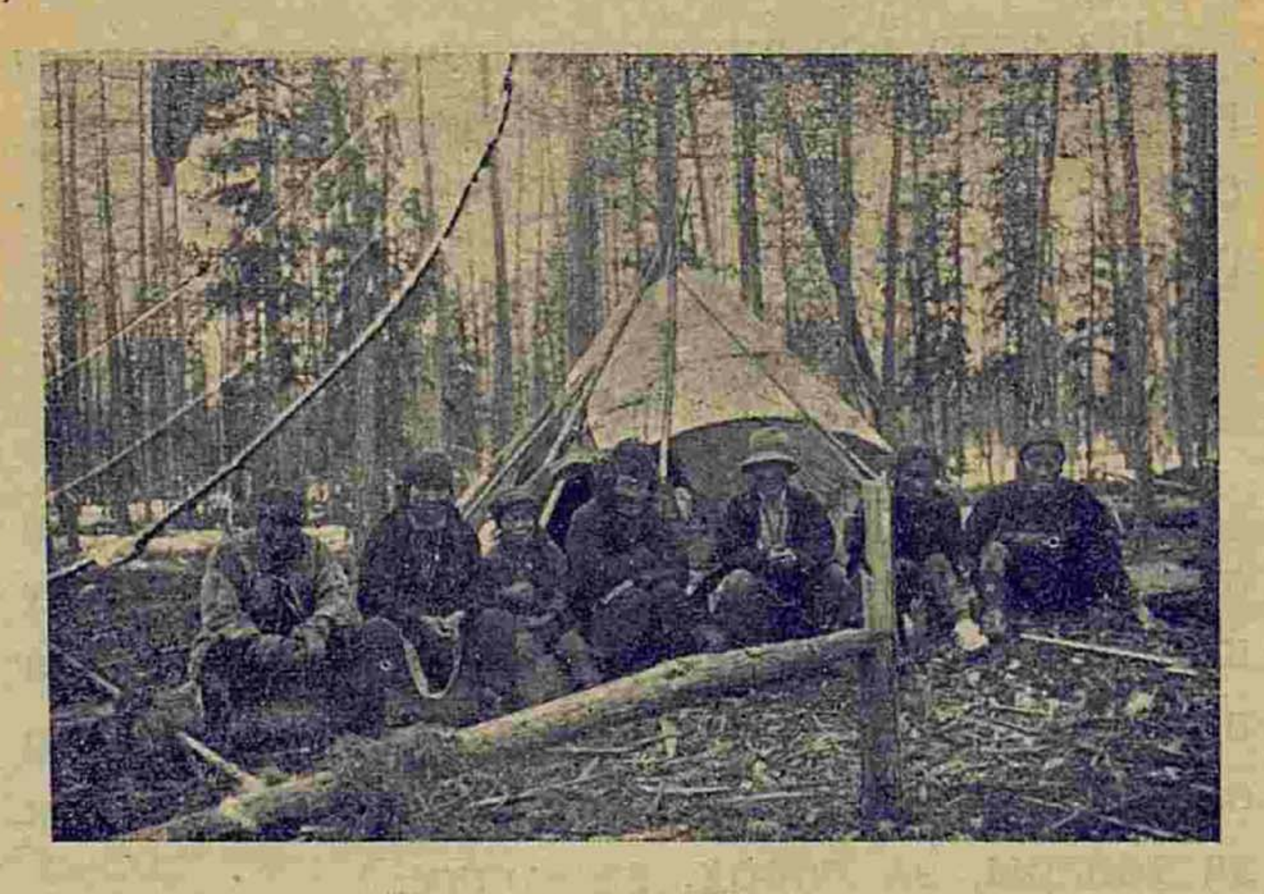
Тунгусские урасы были сделаны наподобие шалашей с помощью трех-четырех десятков длинных жердей, воткнутых нижними концами в землю. Вверху шесты были связаны все вместе. Снизу жердяной остов

---

1) Ураса — жилище тунгуса.

урасы был обтянут оленьими шкурами. Вверху же, где жерди сходились вместе и все были связаны ремнями, было оставлено отверстие для дыма.

Самая бедная ураса принадлежала старику Нодо. У Нодо уже давно не было ни одного

Тунгусы у своей урасы.

оленя. Часть покрышки его урасы была сделана из березовой коры, и только самый нижний край был сшит из оленьих шкур и оленьими же крепкими жилами. Холодно было в урасе у Нодо. Жестокий мороз без

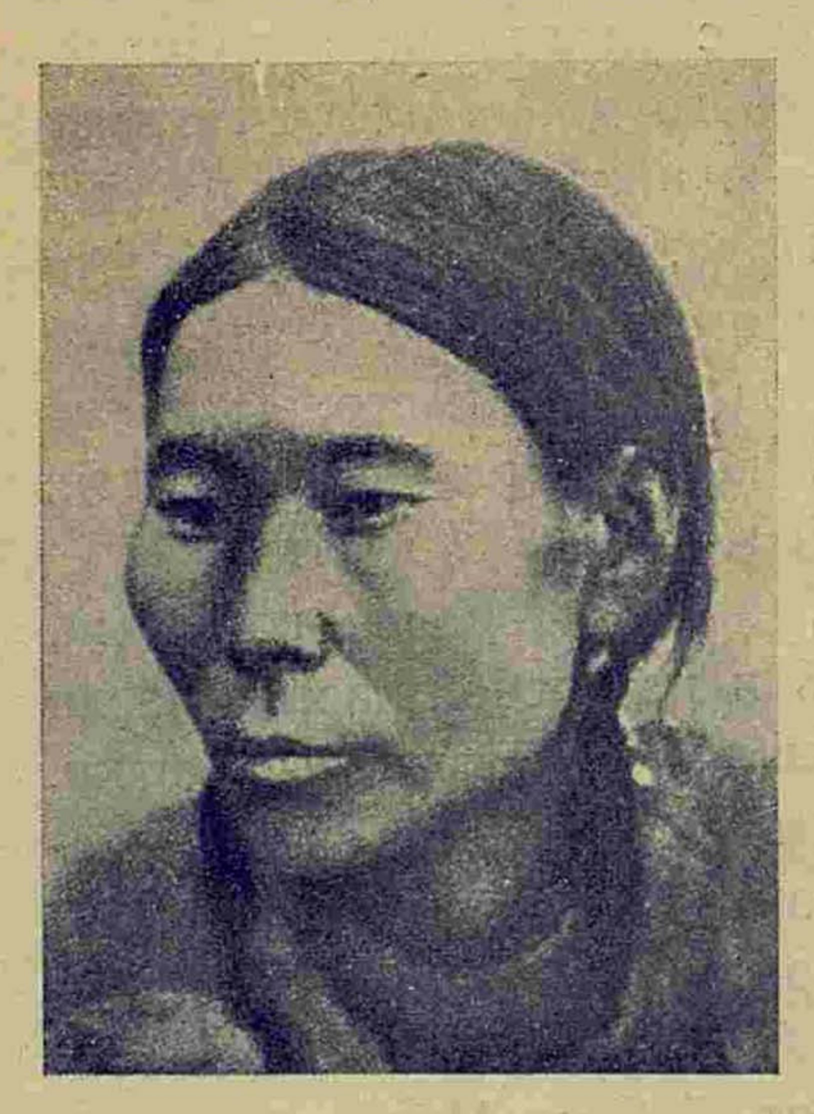
труда забирался под берестяную покрышку. Злобный ветер гулял по урасе. Но старик, счастливый своей удачей, теперь как-будто и не замечал убожества своего жилища. Он вернулся из тайги с драгоценной добычей. Много, много всякого добра дадут Нодо за дорогую соболиную шкурку. Весь улус радовался удаче Нодо. Урончин на радости даже заколол старого оленя. С жадностью набросились все на свежее мясо. Ели его сырым, варили в котлах, разбивали кости, вынимая вкусный мозг.

От сытости люди становились веселыми, шутили, смеялись и наперебой рассказывали о случаях из жизни, рассказывали и сказки. А больше всех смеялся Нодо, и все заставляли его рассказывать сказку за сказкой.

Время от времени затягивали песни. Лучше всех пел Аланмур, научившийся тунгусским песням от бабки. Многим песням научила бабка молодого внука своего Аланмура. Но внук не только перенял от бабки своей песни про старое. Он и сам стал складывать песни про то, как весной зацветают хорин-чуко — жаркие цветы, и в ту пору собираются на зеленых таежных полянах

тунгусы на свои с‘езды (сугланы) для решения своих дел.

А когда пел Аланмур про старое, каждый из пирующих мог вспомнить, как был обманут в своих расчетах. Куда было уйти тунгусу от ангарского жителя-скупщика? Где было взять тунгусу чай, хлеб, порох? Куда было сбыть тунгусу добытые беличьи шкурки? Трудна и тяжела была жизнь тунгуса.

Женщина тунгуска.

Но в эти дни пиршества сытые и благодушные охотники забывали обо всех обидах.

Так три дня пировали они, переходя из урасы в урасу. А на четвертый день поутру заметалась в жару внучка Нодо. На

лице и по телу девочки выступили красные пятна.

— «Старуха» пришла к нам в гости,— говорили в ужасе тунгусы.— Теперь все переболеем. От «русской гостьи» нечего ждать пощады.

«Старухой» тунгусы называют оспу. Болезнь эта, забираясь в стойбища тунгусов, уносит множество жертв. Многие из больных навсегда остаются изуродованными страшной болезнью; иные слепнут. Многие умирают.

Собрались тунгусы на совет и решили, что всем трем семьям надо раз'ехаться врозь, покуда «старуха» не уйдет от них.

Старому Нодо выделили трех оленей. Разобрали свои легкие урасы, сложили на нарты жерди и шкуры, весь скудный домашний скарб и двинулись в разные стороны.

А на опустевшем стойбище оставили воткнутый шест, на котором болтался на ветру берестяной человечек весь в пятнах.

Всякий тунгус поймет теперь, что здесь зараженное оспой место, и не станет здесь останавливаться.

V.

И так был велик страх перед оспой, что далеко, далеко раз‘ехались все три урасы от проклятого места. И не раньше чем через месяц Урончин с Балаем отправились на осмотр расставленных ловушек.

Снова заскользили лыжи по сугробам. Еще ярче светило солнце. Днем не приходилось снимать очков. По едва приметным знакам, а больше по чутью переходили охотники речку за речкой, вглядываясь в звериные следы. А на третий день увидели лыжный след. Кто-то уже ходил смотреть ловушки. Но Урончина это не обеспокоило. Тунгусы отличаются исключительной честностью, и никто из них не воспользуется чужой добычей. Случаи воровства из капканов встречаются очень редко. Поэтому Урончин оставался спокоен. К вечеру они наткнулись на воткнутый шест. Сомнений не было — прошедший впереди охотник был добрый человек. Иначе не оставил бы он этих заметок. Урончин догадывался, что молодой Аланмур поспешил раньше их к ловушкам.

Вот, наконец, и та падь, откуда начали они с Аланмуром и Балаем установку плашек. За падью кедрач. Кедры стоят огромные, взлохмаченные. Много было на кедрах шишек с орехами. Было здесь чем полакомиться белкам. Когда стали подходить к кедрачу, увидели след довольно крупного зверя. Урончин показал на следы Балаю и сердито сказал:

— Россомаха!

И не даром Урончин рассердился. У многих белок, придавленных «плашками» [1]), были от‘едены мягкие части тела. Пушистые хвосты и лапки были раскиданы по снегу. Много перепортила россомаха ценных шкурок! Хорошо еще, если сама где-нибудь угодила в капкан.

Несколько плашек было поломано, а капканы стояли пустые. Неудача сильно огорчила охотников. За поясом у Урончина болталось не более пяти штук белок, вот и вся добыча. В одной из ловушек нашли недорослого лисенка. Шкура у него облезлая. Что за нее дадут?

---

1) „Плашки"—ловушки на белок.

Переночевали охотники, убедились, что Аланмур (если это был он) повернул от этих мест обратно. Где-то они разминулись. Был ли Аланмур удачливее их, они не узнали.

«Опоздали!» думал Урончин. И они вспомнили, как много раз случалось, что в ловушках пропадала добыча. То россомаха, то волк попортит, то подопреет шкурка залежавшейся белки, горностая, лисицы. То попадет недорослый зверь, и только досада возьмет на него и на себя — зачем зря пропала шкура?

Но Урончин привык к этой жизни. Он не думал о том, как неверны жизнь и благосостояние охотника. Все зависит от случая. И он вспомнил недавнее счастье старого Нодо. И когда он стал засыпать, ему стало сниться, что его собака подняла соболя, гонит его с дерева на дерево, и Урончин не устает скользить за ним на лыжах. И соболь и человек знают, что это кончится смертью загнанного зверька.

Спокойно спит Урончин, спокойно, без всяких сновидений, спит и Балай.

На костре тлеет огромное бревно. Его хватит на всю ночь. В снежных сугробах молчит тайга, осеребренная луной.

VI.

Кончился зимний промысел. Подошло время белке и всякому пушному зверю родить детенышей. В такое время ни один тунгус не нарушит закона тайги. А закон этот велит человеку соблюдать всякие сроки, установленные природой, чтобы зверь мог расплодиться, вырастить детенышей. Тунгус-охотник крепко знает, как важно блюсти строго эти запретные сроки. Много обиды приносят охотникам-туземцам русские звероловы, которые нередко бьют белку и соболя в запретное время и тем самым губят и зверя и весь приплод. От такой неразумной охоты переводится год от года пушной зверь в тайге.

А тунгус в такое время остается в урасе и будет ждать новых сроков осенней охоты. Лето — самое привольное время. Разве вот только комары да мошки донимают. В летнее время, когда поднимется по сырым лож-

кам да речным долинкам буйная таежная зелень да загорятся в ней ярко-оранжевые жаркие цветы, собираются тунгусы на сугланы.

Приходят они с добытой за зиму пушниной к русским торговым факториям с тем, чтобы обменять пушнину на хлеб, на табак, на порох, на ситец. А фактория в тайге представляет собой две-три избушки с амбарчиками, куда завозят по зимнему пути всякие потребные тунгусам товары. А что нужней всего охотнику? Важней всего ему запас дроби, пороха, свинца. В иной год надо бывает сменить старое ружьишко на новое. Нужны бывают ловушки, капканы, ножи да топоры. Для пропитания тунгусу-охотнику надобны хлеб да крупа. Хоть и много меньше нашего потребляют тунгусы в пищу хлеба, а все же без него голодно и тунгусу. А еще надобны тунгусу табак, чай, соль. Надо кое-что и из материй. Особенно хочется молодым тунгускам пощеголять в суконных шубейках. Падки тунгусы и на всякие бляшки да пуговицы. Но всего больше, пожалуй, из украшений ценят цветной бисер. Бисером расписывают тунгусские женщины свои шапочки

и свою одежду. Приказчики на факториях получают зимним путем всякие тунгусские товары и ждут выхода охотников из тайги.

Года три-четыре тому назад летала по тайге молва, что коммунисты грабят туземцев. И не хотели тунгусы выходить для торговли на фактории, и ушел было тунгус в тайгу — подальше от новой власти, забился в глушь.

Да долго в тайге не усидишь. Без пороха да без хлеба где усидеть?

Со страхом пошел Аланмур впервые в советскую лавку за товаром. Пошел на риск: думал, всю пушнину даром отнимут. А в советской лавке пушнину оценили на деньги. Полностью выдали Аланмуру и пороху, и дроби, и свинцу, а также и табаку, и чаю, и ситцу. А что осталось получить за пушнину — деньгами дали. Водки просил Аланмур — водки не дали. Сперва недоволен этим был Аланмур. А как вернулся домой с товаром, так и рад был, что дело без водки обошлось. Вспомнил, как прежде за вино вся пушнина уходила купцу, — самому стыдно стало.

Пошел и рассказал Аланмур своим сородичам, как новые приказчики торгуют. Посмеялись тунгусы над шаманом, который отговаривал их от путешествия на факторию. Все видели, как хорошо обошлись с Алан-

Родовой совет.

муром. На другой день все пошли с пушниной в советскую лавку и вернулись с товарами.

Тогда и порешили: «надо и нам собрать свой совет для решения своих туземных дел».

И вот собрался суглан на таежной поляне. Собрались на суглан тридцать тунгусов. Из пяти кровных родов собрались тунгусы. Семь человек из рода Момоль, да пять человек из рода Чонколь, да по шести человек от родов Чапогир, да Шанягир, да Нанкагир. В числе приехавших были и наши знакомцы — Аланмур и Урончин.

И приехал на суглан представитель советской власти, человек с окладистой бородой. На глазах у того человека стекла-очки, чтобы лучше видеть. Дивились тунгусы очкастому человеку. Стеклянных очков они никогда не видали.

Рассказал тунгусам приехавший человек, что новая власть старается не давать тунгусов в обиду: не позволит она выжигать тайгу. Не позволит спаивать водкой тунгусов. Рассказал он и о том, что новая власть хочет помочь тунгусам организовать тунгусские кооперативы. Купцу-частнику заказаны пути в тайгу.

С интересом слушали тунгусы о заботах власти о бродячем народе охотников-тунгусов. А бородатый человек рассказывал, что уже не в первом месте здесь собрал он

тунгусов. Рассказал он о том, как собрались тунгусы и на Чуне и в Полигусе. Интересно было всем тунгусам услышать, что по всей огромной тайге собираются на сугланы их сородичи и сами решают, как вести свои дела.

Спросил Урончин бородатого человека о том, станут ли и впредь привозить в тайгу нужные тунгусам товары по справедливым ценам. Да еще спросили, станут ли школы для тунгусских детей строить.

И рассказал тогда бородатый человек о том, как в другом месте тунгусы сами школу построили.

Много ли у тунгусов грамотных? На сто человек мужчин человек пять найдешь, не больше. Но тунгусы крепко знают, что грамотным хорошо быть. Тянутся тунгусы к грамоте. Была у тунгусов часовня-палатка. Решили тунгусы вынести иконы, а в палатке сделать школу. Стали учиться в школе-палатке. Старания учиться у ребятишек было не мало. Но в палатке и холодно, и тесно, и темновато.

Порешили тогда тунгусы выстроить дом для школы. Стали лес валить, плотников

наняли. Средства собрали: и деньгами, и оленьим мясом, и пушниной. Тяжело было тунгусам уделять на школу из скудных средств, да зато в доме настоящем лучше будет детишкам учиться. Терпели тунгусы лишения, а школу выстроили. А на стекла в окна да на печи, да на уплату долга плотникам райисполком деньгами помог.

И вот есть теперь у тунгусов на далеком Охотском побережье хорошее школьное здание. Сидят в классах, светлых и просторных, тунгусские ребятишки и учатся быть сознательными гражданами-тунгусами.

Вот только девочек еще не пускают в школу. Надо убедить родителей, что и девочке ученье необходимо.

Обрадовались тунгусы этому рассказу и спросили, скоро ли и у них будет своя школа?

А на вопрос Урончина ответил человек в очках, что к осени школу и на Полигусе построят, а сам обещал учителя прислать.

Говорили тунгусы на суглане, где надо больницу устроить, а также о том, что надо помочь безоленным тунгусам. А помочь так: купить обществом оленей и раздать без

оленным. Мало-по-малу с такой помощью общества безоленные оправятся от беды.

— Надо и нам так сделать, — сказал Аланмур.

Все с ним согласились и сделали первое отчисление — с сотни по пяти белок.

И рассказал тогда старый Нодо о том, что недавно слышал:

— Был у тунгусов на Хатанге падеж на оленей от чесотки. Вымирать стали олени. Задумались тунгусы, как делу помочь. И порешили собрать со всех пушнину на покупку оленей. С каждой сотни белок постановили отчислять по пяти белок. Собрали суглан и порешили на собранную белку закупить оленей, чтобы снабдить из этого стада безоленных тунгусов - бедняков. Никто из тунгусов ие возражал против полезного начинания. Решили все единогласно. И собрали всего пушнины на 983 рубля.

Член родового совета тунгус Ленгама закупил тридцать оленей, из оставшихся денег пастуху заплатили 83 рубля.

Раздали оленей беднякам по решению суглана в долг. Не стало безоленных семей среди тунгусов. Все охотники-тунгусы смогли

выехать на промысел. А на следующем суглане дело решили продолжать. Собрали деньгами 882 рубля. И снова купили 25 оленей в запас.

Радуются тунгусы, глядя на свое собственное стадо. Не страшно теперь жить. Бедняк знает теперь, где найти помощь в трудную минуту.

Два раза в год решили собираться тунгусы для решения своих дел на родовые собрания. Малый с‘езд — малый суглан — назначили в середине зимы. А большой с‘езд — большой суглан для каждогодных выборов управителей членов родового совета — решили собирать поздней весною, как только зацветут хорин-чуко — жаркие цветы.

И как кончился суглан, то последнюю ночь провели в хороводах да за песнями. В песнях да хороводах приняли участие и тунгусские женщины, которых покуда еще тунгусы не допускают к участию в с‘ездах. Так и сидели в стороне эти «лишенные голоса» сестры, жены и матери тунгусов-охотников. Не за горами, верно, и то время, когда и у тунгусов женщина получит право голоса.

Короткая ночь сменилась новым ясным днем, и тунгусы, окончив песни и пляски хороводные, верхом на своих оленях стали раз‘езжаться по всем направлениям в зеленую тайгу. Олени чуть ли не по грудь путались в пышной зеленой траве, по которой там и сям были рассыпаны круглые оранжевые головки жарких цветов.

Через год снова все с‘едутся на свой тунгусский суглан.

ОХОТА НА КИТА У ЧУКЧЕЙ.

Ветер на Чукотке дует так сильно, так неистово, что иной раз и носа на улицу не высунешь—ветер схватит в охапку, закрутит, занесет снегом.

Оттого и к меховым шатрам—чукотским ярангам—тяжелые камни понавязаны, чтобы не сорвало.

Остовом яранги служат деревянные шесты да китовые ребра. Сверху яранга покрыта мехами. А под верхним шатром внутри яранги чукчи делают из шкур второй полог—юронгу. В юронге день и ночь горит в каменной чашке тюлений жир. Жир горит ровным пламенем, дает свет и тепло.

Злится ветер вокруг чукотской яранги, обдает ее мокрым снегом, а в юронге тепло, дети голые играют с маленькими щенятами.

Канге, юному чукче, пятнадцать лет. Он поел сырого оленьего мяса, выпил чаю и

теперь натягивает на голое тело рубашку из двойного меха—шерстью внутрь, к телу, и шерстью наружу. На ноги одевает сапоги из оленьей кожи, на голову — круглую ме-

Чукотская яранга.

ховую шапочку с наушниками, подвязанными под подбородком.

Канге приподымает край полога - юронги и выползает в ярангу, где лежат ездовые собаки. Канге ласкает своих мохнатых дру-

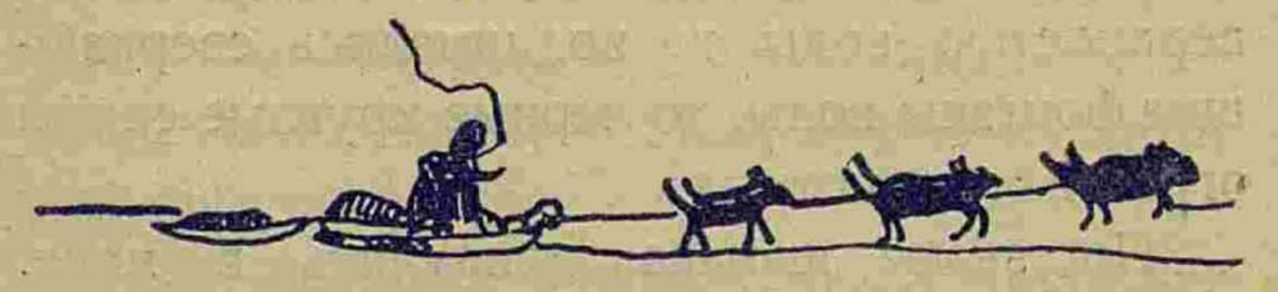
зей. Но сегодня они ему не нужны. Канге примет участие в охоте на кита.

Каждую весну и каждую осень мимо Чукотского носа проплывают киты. Лето они проводят в Северном Ледовитом океане, а на зиму кочуют в более теплое Берингово море.

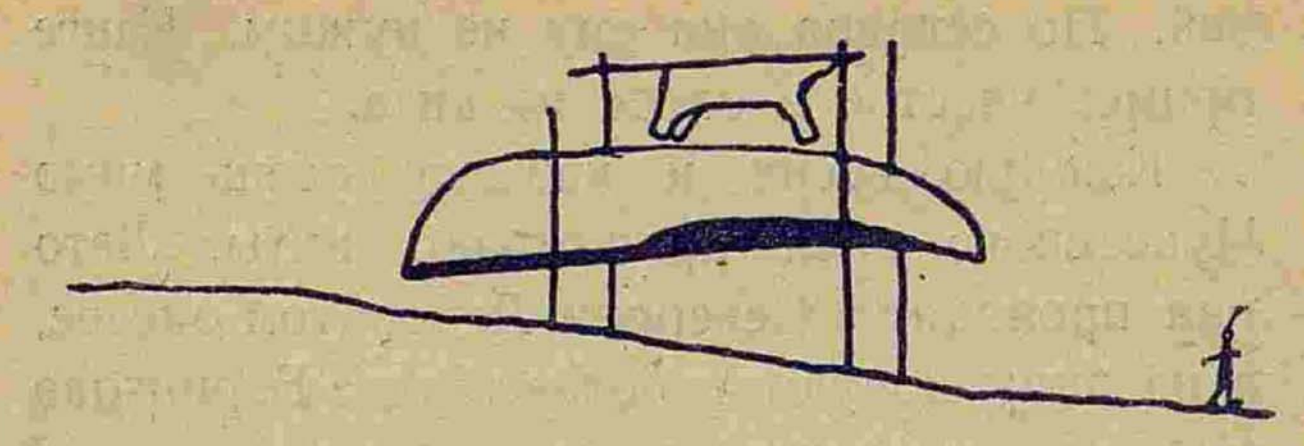
Вот тут-то и караулят чукчи китов в проливе.

А кит о себе издали дает знать. Над поверхностью моря появляются вдруг фонтаны. Это кит выбрасывает воду, попадающую в его открытую пасть. В рот киту набивается рыбешка, служащая ему пищей, а вода выбрасывается через особое отверстие наподобие фонтана.

Еще вчера заметили чукчи, живущие в поселке Уэллен, проплывающих к югу китов. С одобрения шамана назначили они на сегодня день охоты. Ветер дул благоприятный, с моря.

Чукчи едут на собаках.

Лодка и шкура медведя на сушиле.

Все взрослые мужчины и подростки собрались к берегу, уселись в лодки, захватили с собою всю нужную снасть. На трех шлюпках были поставлены маленькие китобойные пушечки. Кроме того, у многих мужчин в руках были тяжелые медные ружья.

В лодках лежали острые копья—гарпуны. К гарпунам привязаны длинные крепкие ремни. А к другому концу ремня привязываются наполненные воздухом мешки из тюленьей кожи.

День был теплый. Вчерашней бури и следа не осталось. Киты резвились. Над поверхностью воды то поднимались сверкающие фонтаны воды, то черные круглые спины огромных животных.

По знаку шамана двинулись в море. Вскоре с одной из шлюпок грянул пушеч-

Чукотские жилища — яранги (для устойчивости навешены камни).

ный выстрел. Кит был ранен. Он нырнул в глубь моря, но вскоре вынужден был вновь выплыть на поверхность. Грянули новые выстрелы. В тело кита вонзился гарпун. Кит снова погрузился в воду, но воздушные мешки, как поплавки, указывали, в какую сторону он нырнул. Лодки окружили кита. Это было очень опасно. Достаточно было одного удара китовым хвостом, чтобы потопить одну из подплывающих лодок.

Но охотники, казалось, не страшились. Кит, очевидно, изнемогал. Вода окрасилась темной кровью. И вот огромное животное— метров до двадцати в длину — выплыло на поверхность. Лодки тесным кольцом окружили мертвого кита.

Вооружившись ножами, чукчи стали перескакивать из лодок на плавающую тушу.

Они отрезали поспешно по огромному куску мяса и с жадностью принимались есть. Такое пиршество на воде затянулось часа на два. Лица у всех лоснились от сала, одежда и руки были испачканы кровью.

Довольные удачей, чукчи не заметили, как резко изменился ветер и кита стало относить в море.

Добыча была потеряна. Велико было негодование охотников.

Подумать только: кит дает чукчам до полутора тысяч пудов мяса, спасает от голодовки. Сало кита служит топливом и осветительным материалом. Ребра кита употребляются для постройки яранг. А роговые пластинки, которыми усажена пасть кита — так называемый китовый ус — дали бы чукчам больше тысячи рублей деньгами. Вот какими богачами стали бы наши охотники! А теперь вот была добыча, да в море уплыла. А кто виноват?

И стали чукчи искать виновного. Обвинили ту шлюпку, с которой была брошена первая бомба. Порешили было бросить эту шлюпку в море. А шлюпка принадлежала хитрому шаману Амлетко. Хитрил Амлетко

и сказал охотникам, что виноват в беде он, Амлетко, а не лодка. А виноват он в том, что поссорился с духом моря. И дух моря стал ему мстить.

И поклялся шаман Амлетко примириться с духом. В знак примирения Амлетко обещал на следующей охоте удачу. Обещал Амлетко, что с его шлюпки вновь будет нанесен первый удар киту.

Дня через два вновь отправились за китом. Изловчился Амлетко. Удалось ему первым попасть в кита. Добили кита.

А как всплыло огромное животное на поверхность воды, позабыли снова охотники недавнюю неудачу. Стали снова скакать на мертвого кита, отрезать куски мяса и с жадностью утолять голод.

Но на этот раз ветер дул к берегу и кита удалось дотащить до суши. Ликование было огромное. Женщины, дети, старики и старухи все сбежались к морю.

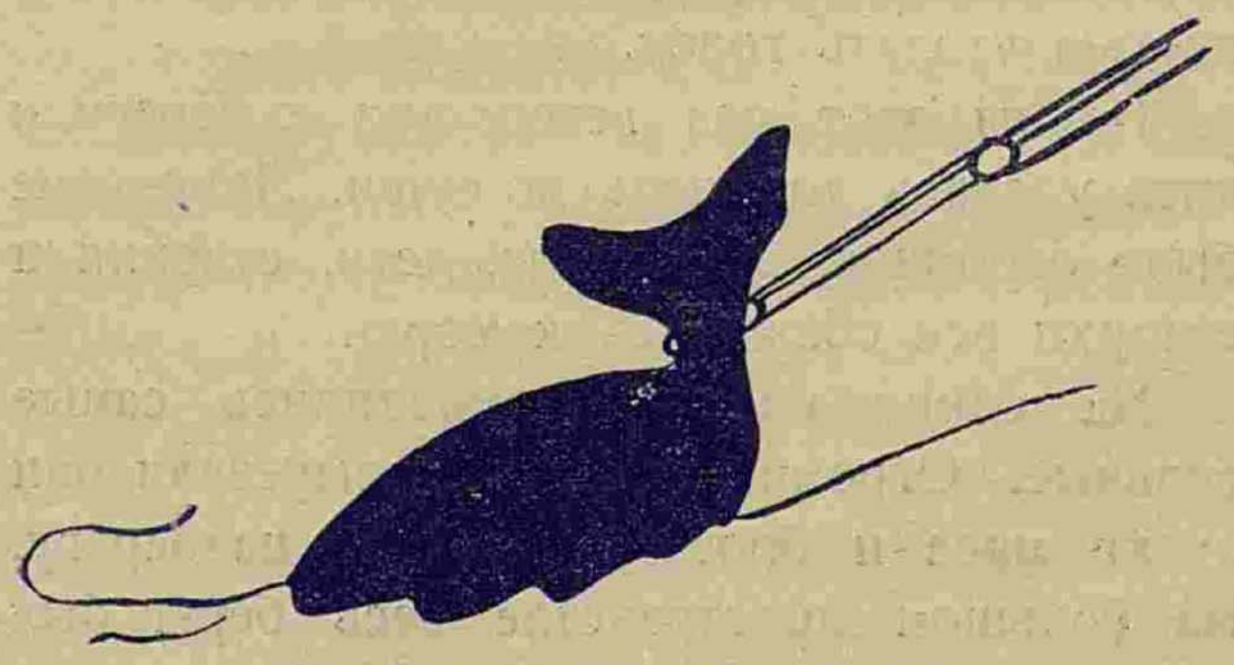
На спину кита взгромоздились самые сильные. Огромными ножами вырезали они куски мяса и бросали стоящим на берегу. На большом пространстве весь берег был завален розовым мясом. Куски мяса, сала и

кожи грузили на сани, запряженные собаками, и перевозили запасы к своим жилищам.

Целый день работали люди, а огромная туша кита все еще темнела у берега, и только с одного бока было срезано розоватое мясо и сало.

Добыча кита—это огромнейший праздник в жизни чукчей. Добыть кита — это значит получить пищу, свет, тепло и роговые пластины на продажу.

Шаман Амлетко стал героем дня. На снежной глыбе, близ его яранги, кровью был нарисован человек и кит. Так был прославлен подвиг Амлетко.

Убитого кита волокут к берегу.

ЗА БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ.

Тевлянто, молодой чукча, проснулся в меховом пологе яранги. В двух деревянных плоских чашках горел тюлений жир, олений мох служил фитилем.

В пологу было до такой степени жарко и душно, что Тевлянто спал почти голый. На нем, когда он вскочил с постели, были натянуты только пыжиковые штаны.

Тевлянто поспешно натянул пыжиковую же рубаху из двойного меха, шерстью внутрь и наружу. На ноги надел сапоги из оленьей кожи, на голову меховую шапочку, подвязал уши под подбородком.

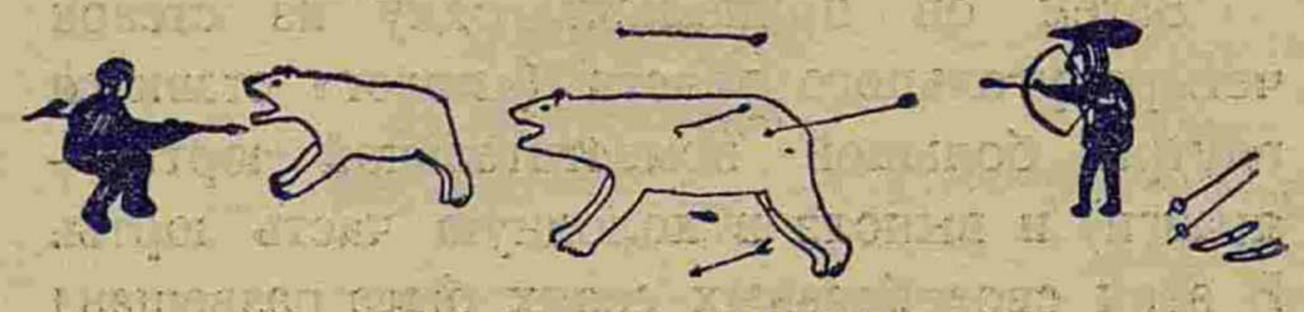
Затем он приподнял одну из стенок четырехугольного полога («полог» ставится внутри большой поместительной юрты — яранги) и выполз в холодную часть юрты. В этих своеобразных сенях была развешана

собачья упряжь. Сюда же собаки забиваются на ночь от лютых стужи и ветра.

Сегодня Тевлянто решил попытать счастья на белого медведя. Охота на огромного зверя, обитателя ледяных просторов Ледовитого моря, связана с большим риском, требует огромной выносливости и быстроты в беге.

Не всякий чукча-охотник пойдет за медведем. Правда, шкура белого медведя дорого ценится, за нее много можно получить ценных вещей. Но решиться на такую охоту легко, а достичь цели чрезвычайно трудно. На каждое чукотское селение ловких и смелых охотников за белым медведем приходится не более 3—4 человек. Остальным не под силу такая охота.

Было время, когда смелые охотники-чукчи выходили на медведя не с новым винчестером, а с самодельными луками да копьями.

Охота на белых медведей.

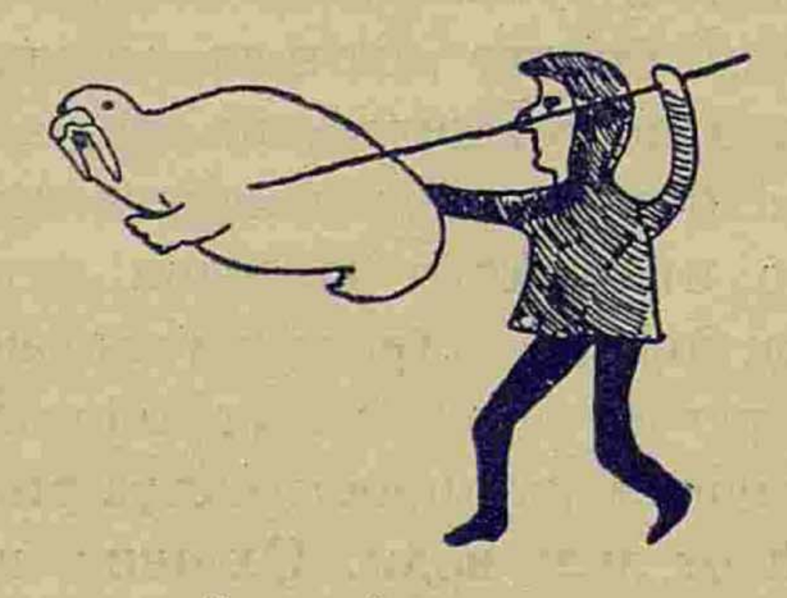
Русские да американские торговцы приучили чукчей теперь к новому оружию, и трудно теперь бывает охотникам, если вовремя не снабдят их оружием и патронами.

Какими же качествами должен обладать чукча-медвежатник? Прежде всего следует помнить, что период светлого времени зимой на севере весьма короток — день длится не более 4—5 часов. За медведем по льду иной раз приходится итти многие версты, и, чтобы засветло вернуться, надо уметь быстро бегать на лыжах. Льдины в море при замерзании нередко громоздятся друг на друга, образуя „торос“, — охотник за медведем должен уметь ловко прыгать. Все это требует огромной выносливости.

Надо помнить также, что ледяные поля, по которым бродит охотник за медведем, находятся в постоянном движении — они то жмутся к берегам под напором северных ветров, то отгоняются южными ветрами в океан. При южном ветре между ледяным полем и берегом легко могут образоваться весьма значительные пространства открытой, свободной от льда воды. Охотник, идущий за медведем, должен отлично разбираться

в движении ледяных полей при любом ветре. Как только ветер изменится и начнет дуть с берега, охотнику следует спешно возвращаться домой, как бы он ни был близок от намеченной цели. Следить только за ветром еще недостаточно. Надо помнить, что в море есть особые морские течения, которые передвигают ледяные поля с места на место.

Но если ветер благоприятен, а охотник проворен и ловок, то он должен быть в то же время очень метким стрелком и опытным в снимании шкуры с убитого медведя. Всякое промедление на движущемся льде опасно. Ветер может измениться, и охотника унесет тогда в океан на гибель. Волочить за собой шкуру, снятую с белого медведя, который

Чукча убивает моржа.

нередко достигает двух с половиною и даже трех метров длины, представляет для охотника также нелегкую задачу. Охотник за белыми медведями должен быть еще и особенно сильным. Брести домой по ледяным торосам (нагроможденным и смерзающимся льдинам) с тяжелой ношей — одна из трудных задач для медвежатника.

Но Тевлянто не запугаешь трудностями. Никто из юношей не догонит Тевлянто в беге. Прыгает он более ловко, чем другие. Направление ветра Тевлянто не только умеет распознавать, но часто и предугадывает, откуда будет дуть ветер, по ряду ему самому непонятных признаков. Все морские течения известны Тевлянто с детства. Во всем селении также нет ни одного охотника, который стреляет лучше Тевлянто. Разве вот только в соседнем становище Аттык обладает еще большей зоркостью глаза.

Тевлянто силен и вынослив. Силы ему не занимать.

На ногах Тевлянто нацеплены легкие лыжи, в руках у него две палки — одною он пробует крепость льда, другой — помогает себе при беге. За плечами у Тевлянто новое

ружье—винчестер, сумочка с патронами и ремень на случай счастливой охоты.

Тевлянто еще раз оборачивается к родной яранге, ощущает полное отсутствие ветра с берега. Поворачивает лицо к морю—с севера чувствуется тягучее студеное дыхание морского ветра. Погода благоприятствует.

В море, за ледяной гранью прибережного ледяного припая, белеют движущиеся льды. На них-то и спешит попасть Тевлянто, так как он знает, что медведя легче всего подкараулить у отдушин, у открытых водяных просветов, где огромный белый хищник подстерегает тюленей.

Тевлянто еще раз останавливается, а затем выбирает направление: бежать охотнику надо прямо против ветра и против движения льда. По сплошным ледяным полям двигаться сравнительно легко и безопасно. Но Тевлянто стремится туда, где черно-зеленая вода океана темнеет среди зеленовато-белых льдин.

Каждую минуту Тевлянто рискует оступиться и провалиться под лед. Льды двигаются, и, попав в трещину, охотник может быть раздавлен вновь сдвинувшимися льдинами.

Тевлянто об этой опасности думает всего меньше—длинная палка его уверенно стукает в лед, и у Тевлянто нет никакого страха при виде грозных трещин.

Охотник отбежал уже километров за 20 от родного селения и только сейчас напал на след медведя. Теперь Тевлянто не отстанет от осторожного хищника. Со льдины на льдину переходил матерый медведь, со льдины на льдину идет за ним Тевлянто.

И вот наконец-то Тевлянто его увидел: над черной закраиной воды высунулась белая голова и лапа. Медведь караулит резвящихся тюленей, выжидая удобной минуты для нападения.

Тевлянто спешит его предупредить. Прячась за ледяными торосами, Тевлянто подходит к медведю шагов на пятьдесят. Тевлянто опытен и прекрасно знает, что целить надо метко. Спугнутый выстрелом медведь, если он не ранен, убежит, не причинив вреда человеку. Но если пуля охотника заденет медведя и причинит ему боль, белый медведь в ярости бросается на врага. Тевлянто знает, что полярного медведя надо бить наповал.

Тевлянто подкрадывается. Ружье держит наготове.

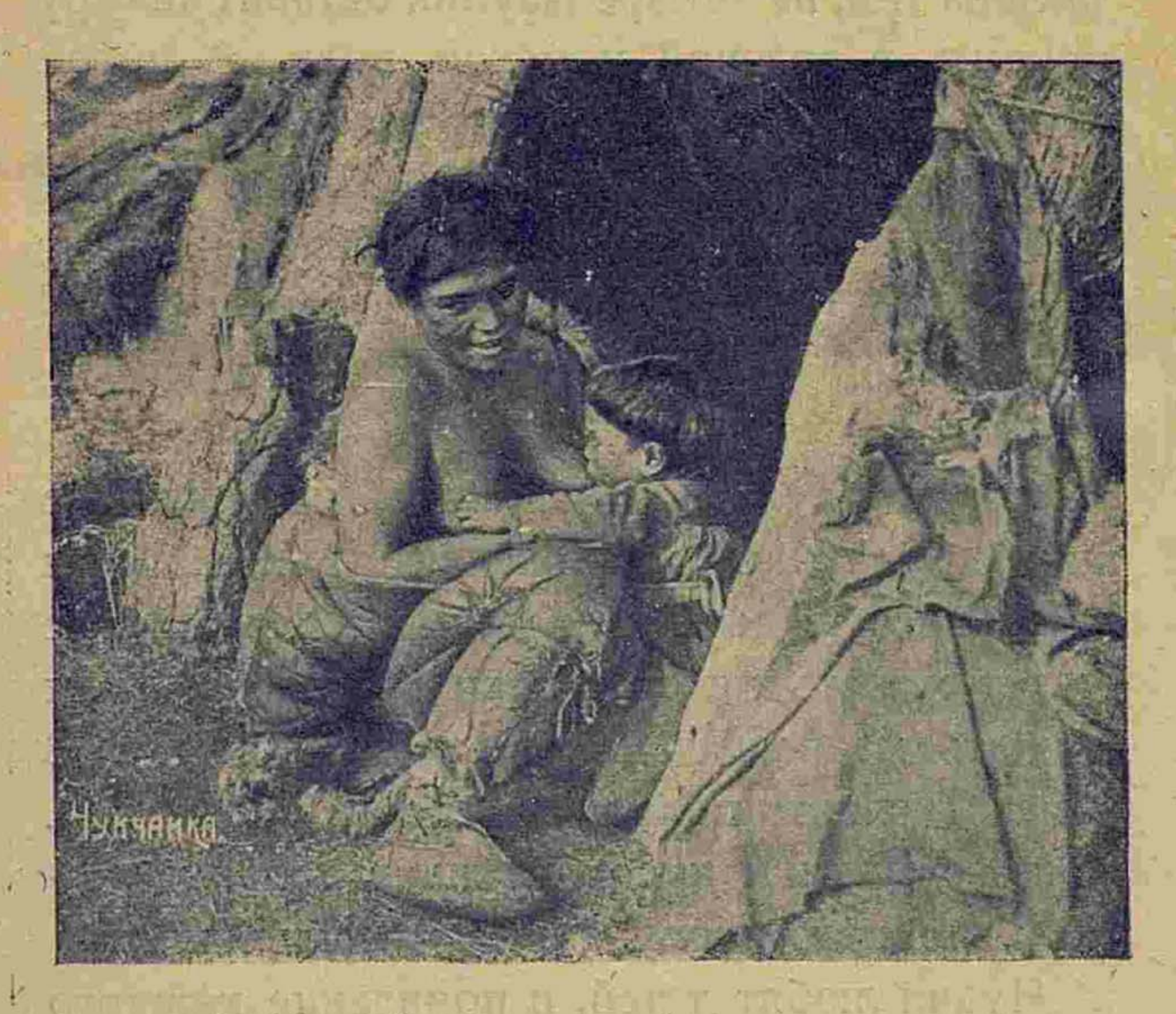
— Трах-тах-тах-тах...

В ледяных торосах откликается эхо. Меткий стрелок Тевлянто. Полярный великан падает замертво.

Тевлянто не торопится выражать своей радости — он торопится докончить удачное дело. Тевлянто — хороший мастер по снима-нию шкур. Проходит минут двадцать—двадцать пять, и свежая шкура медведя, обвязанная ремнем, уже волочится по льду. Кровавая туша медведя остается на льду — за мясом, если его не отнесет вместе со льдом в море, сородичи придут завтра.

На обратном пути Тевлянто припоминает свои прежние охоты. Ему теперь двадцать пять,—за восемь лет он убил 87 медведей, и каждый раз ему удавалось дотащить свою добычу до берега. Один только раз, увлекшись погоней за медвежатами, он был застигнут на льдах южным ветром и отнесен в море. Тевлянто уже считал себя погибшим, вдруг ветер переменился, и через два дня ледяное поле, на котором Тевлянто отнесло в море, снова прибило к прибережным припаям.

Тевлянто довольно быстро достигает своего становища. Удачливого охотника приветствует все селение. Все знают, что завтра

Чукчанка с ребенком.

будут сыты. Мясо убитого медведя разделят на всех.

Вечером все празднуют удачу Тевлянто. А на утро жена Тевлянто, Наулик, недавно

до того родившая третьего сына, старательно соскабливает каменным скребком жир со свежей шкуры и волочит шкуру к морю. Часа на три, на четыре Наулик оставит шкуру мокнуть в соленой морской воде. А потом вместе с Тевлянто Наулик растянет медвежью шкуру на стропилах. Мохор будет выжимать воду из шкуры, а Наулик будет еще много раз приниматься за чистку вымороженной медвежьей шкуры то мукой, то снегом.

Знает Наулик, что купцы, покупающие шкуры у чукчей, дороже ценят хорошо и заботливо выделанную шкуру. Наулик не станет жалеть ни труда, ни времени, чтобы придать медвежьей шкуре хороший вид. В обмен Тевлянто получит патроны, табак, чай, немного муки и кусок сукна в подарок Наулик, родившей ему третьего мальчика.

Чукчи любят детей, и появление каждого ребенка доставляет ему радость. А Наулик особенно счастлива в детях — у нее три сына. Тевлянто надеется, что и они станут со временем такими же сильными и ловкими охотниками, как и он сам.

V

30 к.
р

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ